

Надежда Князева

ГОЛОС В ТРАМВАЕ



Надежда Князева

Голос в трамвае

«Издательские решения»

Князева Н.

Голос в трамвае / Н. Князева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-648513-6

Осторожно, двери закрываются! В шестую книгу Надежды Князевой «Голос в трамвае» вошли стихи 2023—2024 гг. Автор экспериментирует с формой, при этом оставаясь верной стилю. Ежедневная реальность через призму поэтического взгляда окрашивается в причудливые тона и возвышается до трамвайных проводов. Сами же трамваи становятся живыми существами, способными на чувства и осознанные поступки.

ISBN 978-5-00-648513-6

© Князева Н.
© Издательские решения

Содержание

Невыносимость конкретики	6
«апрель – бумажный кораблик...»	6
Тополиный латте	7
«Ровно в полночь...»	8
«В городском эпицентре – фонтан...»	9
«Платье...»	10
«садился за стол...»	11
«утреннюю чашку кофе...»	12
«Если долго повторять слово вслух...»	13
«Поезд – это процесс...»	14
Голос в трамвае	15
пригородное электричество	16
«Поймать закатное красное...»	17
«Если мне снится...»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Голос в трамвае

Надежда Князева

Художник Илья Коровкин

Фотограф Ольга Леванова

© Надежда Князева, 2024

© Ольга Леванова, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0064-8513-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Невыносимость конкретики верлибры

«апрель – бумажный кораблик...»

апрель – бумажный кораблик
из листа в клеточку
выбранного из середины весны
веснушки мать-и-мачехи на смуглой обочине
первый стук подошв по твёрдому асфальту
живая стена ледохода
волнение большой воды
вышедшей из себя

в апреле каждая почка
многообещающе остроконечна
каждая завязь
маняще остросюжетна
они остриями смотрят тебе в лицо
вдыхаешь смолу и надежду
боишься им верить
не выдыхаешь

апрель – будто все приготовились к празднику
украсили улицы кружевом
а ты забыл выучить стих
и стыдно признаться
но уже на подмостках
набираешь в грудь воздуха
воздуха
кислинку зеленого воздуха
и вместо слов
вдруг с перепугу
начинаешь
цвести

Тополиный латте

Запах кофе вкуснее, чем собственно кофе.
Запах предчувствия.
В семейном кафе у работы
звонит колокольчик на входе.
Время обеда.
Повар учит невесту пользоваться кофемашиной,
приобнимая за пояс свободной рукой.
Сегодня в меню латте с тополиным сиропом.
Хозяйка в жёлтом и летнем
порхает меж кассой и грилем.
Сестра её за барной стойкой ест суп,
держит подмышкой младенца.
Ложка над ним плавает, словно лодка.
От берега к берегу.
Младенец следит заворожённо и сонно.
Пенсионеры за столиком справа
беседуют о политике и огороде.
Окна открыты,
звуки улицы льются вовнутрь,
музыка льется наружу.

Девочка с латте выходит
через дверь с колокольчиком,
мимо таблички «выдох»
в юное тополиное лето.
Тонкий силуэт растворяется в свете и зелени.
Пушинки медленно кружатся по следам.
Пахнет большой водой.

«Ровно в полночь...»

Ровно в полночь
зачат новый день.
Во тьме,
как и полагается таинству.
Он пока предстаёт
как абсолютное чёрное тело,
первозданное отсутствие света
внутри цилиндра фокусника,
квадрат Казимира,
не знающий страха
белого листа.
Из его теплой, влажной глубины
сначала проступают звуки:
шк-шк-шк-шк-шк.
Это зелёные школьники-кузнечики
шуршат карандашами,
штрихуют нарастающее утро,
липовый цвет и траву
под босыми ногами
июля.

«В городском эпицентре – фонтан...»

В городском эпицентре – фонтан,
длительный взрыв восторга в безопасной среде,
броуновское движение детей,
поднимающих в воздух
звонкий шум,
стеклярус брызг,
птиц сизокрылые облака.
городская сумасшедшая
в образе аллы
шествует мимо, как каравелла,
гордо встряхивая рыжими кудрями.
дети бегут за ней стайкой,
струйки смеха брызгают из ушей.
оглянется – фррр врассыпную.
эй, воробьи, кричит она.
не обижается.
собака виляет хвостом,
проводя взглядом
улетающий шар,
а может быть, что-то ещё,
что видимо только
детям,
собакам,
птицам
и сумасшедшим

«Платье...»

Платье
тканевый колокол
бесшумно звенит на тебе
запахом сонной воды
твердит очертания тела
гулкого языка
внутри его лёгкого купола

с каждым шагом на понижение дна
всё больше в тебе от медузы
преломляясь на стыке стихий
расходишься круглыми волнами

все мы вошли в эту воду
чтобы выйти иными

осторожно
холодные ключи бьют [набат]
в теплой ладони озера

«САДИЛСЯ ЗА СТОЛ...»

садился за стол
с легким чувством города
брал вилку (нет) ложку (нет) ручку (нет)
открывал окно ворда
впускал в комнату белый ветер
слева слова
справа слова
вдохни не дыши
двенадцать пар (ребер) строк
рентгенограмма сознания
выходил из-за стола
с легким чувством города
внутри

«утреннюю чашку кофе...»

утреннюю чашку кофе
ставишь на след
от вчерашней утренней чашки.
если круговые следы
взгромоздить друг на друга
день за днём,
получится башня,
в которой ты заточён.
ну, не тупи,
заточи печенючку.
доброе утро,
рапунцель.

ягоды вызревшие без солнца
дети выросшие без любви
на вид успешные спелые смелые
мы всего добились сами
с нами не церемонились
просто берёшь и делаешь
берёшь и делаешь
а внутри у каждого
ни теплоты ни сладости
горечь
подгнившая сердцевина

«Если долго повторять слово вслух...»

Если долго повторять слово вслух,
из него улетает смысл,
оставляя его пустым,
как розовая внутренность ракушки,
как круги на полях,
как имя того,
с которым не был знаком.
На морозе слово становится зримым,
обрастает иголками инея,
скачет звонкой монеткой,
прежде чем рассыпаться в пыль.
Во рту слово живет подобно моллюску,
растёт, заполняя собой пространство,
и лишь ощутив его тесноту,
переползает искать новое жильё,
подходящую
ушную раковину.

«Поезд – это процесс...»

Поезд – это процесс.
Каплей людского потока
Втекающая под крышу вокзала,
Перестаешь ощущать город ногами.
Балансируешь между пунктами А и Б
Пунктирной линией,
Как электрон, находящийся в любой точке атома.
Слышишь гулкие голоса,
Предсказывающие будущее:
Отправляется с третьего пути
Со второй платформы
Пункты А и Б
Грелись на трубе тепловоза.
А уже упала,
Б на грани исчезновения.
Кто же, кто ещё кроме тебя
Кто же, кто ещё если не ты
Провожаящим просьба покинуть вагон.

Голос в трамвае

Когда я вырасту
или меня не станет
(в этом случае все равно) —
я хотел бы стать голосом,
объявляющим трамвайные остановки
из шипящих динамиков
над узкими створками.
Этим мудрым, вежливым
дикторским баритоном,
что не выходит за пределы
городского кольца,
не диктует, как жить,
но знает о жизни всё:
как вовремя остановиться,
притормозить на опасном спуске,
как ощутимо трясёт
на поворотах и стыках.

Я буду жить
в пустом металлическом теле,
где солнце проходит насквозь
пыльные стекла,
цепляться за жизнь
дугой токоприемника,
ездить по кругу,
но знать, где кончаются рельсы.
Мимо Покровки,
вдоль по Ильинке,
дальше,
только б звучать,
звучать
партией этой пьесы.

пригородное электричество

В автомате пригородных касс
продаются билеты без мест
момент фатализма
а окажись лишним
будешь метаться тревожиться
не находя себе места
в жизни

пригородное электричество
преобразует энергию в расстояние
медленно
сорное сеет растение
серые цветы смирения
в глазах пригородных людей

тяжёлые двери ведущие в тамбур
шумно расходятся
громко целуются
попеременно отдаляясь
смыкаются с грохотом
снова и снова
на обеих надпись не прислоняться
чуть поодаль —
выхода нет

в свистящей тишине
железное сердце стучит
ту-тук ту-тук

«Поймать закатное красное...»

Поймать закатное красное
в зеркало заднего вида —
ещё одна из попыток
остановить мгновение,
сделать хоть что-то,
чтобы выдернуть его из небытия.
В детстве жалел
каждый ушедший день
как сломанную игрушку,
как человека, которым ты был
совсем недавно,
ощущая вину за утрату.

Раньше думал:
запомню это навеки,
и оставались какие-то мелочи:
обрывок телепрограммы
с подчёркнутым фильмом
в четырнадцать сорок.
Плитка в ванной с рисунком кораблика.
Страшные лица на экране ковра.
Фарфоровая статуэтка танцовщицы
в серванте у родственников.
Бабушкина коробка
с швейными принадлежностями,
ненужная после похорон...

Нет, чтобы что-то важное,
вроде родного голоса,
который уже не услышишь,
и даже нет записей.

Поэтому снова и снова
ставишь фотозарубки,
сыплешь крошки стихов
на тропу своей памяти,
чтобы по ним
когда-то вернуться
к началу себя.

«Если мне снится...»

Если мне снится,
значит, поезд нечётный и грохот колёсный,
бессонница, ночь, переезд,
перестук металлических тел, кастаньеты тревоги,
и по крышам покатым идёшь, как сомнамбула,
меришь прогалы между вагонами ровные или
как в детстве по плитке бетонной
не ставишь ботинок на стыки,
поскольку провалишься
валишься
снова проснешься
со стуком колёсным в груди
и холодным дождем
на стекле лобовом

Если мне снится,
значит, лестница узкая, черный провал,
я пытаюсь сойти по ступеням,
они уменьшаются шаются
не за что братья руками
даже стены покрашены
в розовый, бежевый, жёлтый,
такие цвета не способствуют панике,
но запасного выхода нет,
и приходится снова глядеть в эту бездну,
идти ей навстречу

Если мне снится,
значит, новые комнаты,
старые сталинки,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.